

А. М. Дубовиков**Уральские казаки в хивинском походе 1839—1840 гг. глазами участников похода**

В статье рассматривается походный быт уральских казаков во время зимней военной кампании 1839/40 г. под командованием В. А. Перовского как объект исследования. Особое внимание уделено описаниям уральских казаков, сделанным рядом участников похода, включая таких известных лиц, как В. И. Даль и М. И. Иванин. Отмечено, что в трудах дореволюционных авторов, и прежде всего непосредственных участников похода, хорошо показаны особенности и существенные отличия уральских казаков от других категорий военных, принимавших в нем участие. Сделана попытка объяснить различия в оценках отдельных аспектов проблемы упомянутыми в статье авторами.

Ключевые слова: уральские казаки, хивинский поход В. А. Перовского, В. И. Даль, М. И. Иванин, Н. И. Захарьин, Д. М. Минаев.

История взаимоотношений между Россией и Центральной Азией, включая присоединение последней к Российской империи, сегодня весьма актуальна как в научном, так и в политическом отношении, особенно для российских регионов, граничащих с Центральной Азией: Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири. Этой теме посвящено много разноплановых работ дореволюционных, советских и современных авторов, затрагивающих экономические, этнографические, геополитические, военные аспекты. Историография советского периода в основном касалась проблемы колониальной политики властей России. Но если довоенные авторы не находили в ней никаких позитивных нюансов, то в послевоенных работах акценты сместились. Как и прежде, колониализм осуждался, но начали просматриваться элементы теории «меньшего зла», стало уделяться внимание «большой игре» России и Британии в борьбе за влияние в Средней Азии. Появился тезис о прогрессивности присоединения этого региона к России, о чем все чаще писали историки из самой Средней Азии.

К сожалению, сегодня историки Центральной Азии, как правило, оценивают присоединение региона к России в еще более негативных тонах, нежели советская историография 20—30-х годов прошлого века. История в центральноазиатском регионе постепенно превратилась из науки в оружие политической власти, требующей срочно создать идеологическую конструкцию системы жестокого угнетения и перманентной борьбы с ней.

Историография присоединения Средней Азии к России подробно исследована в докторской диссертации С. Н. Брежневой [3].

Хивинский поход В. А. Перовского, состоявшийся в конце 1839 — начале 1840 г., был одним из фрагментов истории присоединения к России Средней Азии, реализации политики Российской империи в регионе. К сожалению, этому походу посвящено не так много работ, причем их абсолютное большинство написано дореволюционными авторами (как правило, военными) и начало издаваться спустя лишь 20 и более лет после его завершения. Исключение — небольшая статья Е. П. Ковалевского, вышедшая в 1846 г. в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» и ориентированная на соответствующего читателя [17]. В ней офицер Ковалевский подробно осветил один из эпизодов похода — отражение нападения хивинцев на степное укрепление, которое в итоге стало конечным пунктом экспедиции. Это единственное боестолкновение с противником за всю кампанию и, пожалуй, единственный ее яркий фрагмент. Если бы вся кампания завершилась успешно, статьи и книги о ней появились бы раньше статьи Ковалевского.

© Дубовиков А. М., 2021

В постсоветской историографии основное место традиционно занимает тема российской политики в отношении Средней Азии и Среднего Востока в целом. В этом плане следует отметить монографию О. А. Никонова [23], диссертацию А. В. Кочнева [19], статью О. И. Жигалиной [13] и другие работы. Хивинская экспедиция Перовского по-прежнему не вызывает большого интереса. Видимо, большинство современных авторов полагают, что в этой истории все настолько ясно и очевидно, что в дополнительных исследованиях тема не нуждается. Тем не менее отдельные публикации, посвященные этому походу, периодически встречаются. Отметим статью И. М. Белки «Трактовка происхождения хивинского похода 1839—1840 гг. в исторической литературе» [2]. У некоторых авторов можно найти ценные сведения об отдельных категориях участников похода. Например, данные о топографах имеются в статье Т. Н. Савиновой [25], а у Г. П. Матвиевской — об участвовавших в походе ученых [20]. Кроме того, Г. П. Матвиевская в соавторстве с И. К. Зубовой издала книгу, посвященную В. И. Далю, содержащую обширный материал о его жизни, творчестве и службе, включая участие в хивинском походе как один из фрагментов его биографии [21]. Есть и другие труды, посвященные биографии других известных участников похода. Отдельного внимания заслуживает диссертация А. С. Акьюлова, посвященная деятельности В. А. Перовского (первого лица той экспедиции) на посту оренбургского военного губернатора [1]. Диссертация Д. А. Сапунова затрагивает военный аспект присоединения Средней Азии, а центральное место в работе занимает роль в данном процессе казачества — уральского, оренбургского и сибирского [26]. Ряд статей не содержит ничего нового, кроме краткого пересказа известных фактов. Яркий пример — небольшая статья Н. Семенович в одном из журналов, не относящихся к научной периодике [27].

Хивинский поход русских войск был продиктован объективными причинами. С одной стороны, в Хиве томилось немало россиян, захваченных в плен в российском пограничье и проданных на невольничьих рынках. Некоторых из них удалось склонить к переходу в ислам, среди последних нашлись немногие, сумевшие неплохо устроиться, но подавляющее большинство влачило жалкое существование, регулярно подвергаясь насилию и унижениям. Кто-то из них прежде был захвачен туркменами (хивинскими подданными), но большинство — адаевцами, представителями самого мятежного и непокорного среди казахских родов, страх и неприязнь в отношении которого испытывали даже другие казахские рода [12, с. 141]. Попытки решить вопрос миром ни к чему не приводили; хивинские власти были уверены, что, несмотря на отсталость в экономическом и военном отношении, их ханство надежно защищено от российского вторжения бескрайними казахскими степями, жаркими и безводными летом, пустынными и холодными зимой.

Имела место и геополитика. Английские эмиссары в Средней Азии становились частыми гостями, а победа Англии в первой англо-афганской войне, начавшейся в 1838 г., создала бы серьезную угрозу интересам России в регионе.

Первую попытку вовлечь Среднюю Азию в сферу российского влияния предпринял еще Петр I, отправив в поход на Хиву отряд Александра Бековича-Черкасского. Из 6,5 тыс. участников того похода 1,5 тыс. составили казаки Яицкого (будущего Уральского) войска [16, с. 22]. Несмотря на то что отряд смог войти в пределы ханства, поход завершился трагически — погибли почти все его участники во главе с командиром.

Попытки вовлечь Среднюю Азию в орбиту влияния России пришлось отложить надолго, но спустя примерно столетие (по завершении наполеоновских войн) они возобновились с новой силой. Все чаще в казахскую степь отправлялись отряды с целью наказания степных соседей, промышлявших разбоем, а также разведки удобного маршрута для

новой хивинской экспедиции. Военные цели таких экспедиций часто были засекречены, оглашались лишь задачи научного плана, которые действительно имели место, но являлись второстепенными. Одна из них была поставлена еще Бековичу и касалась исследования возможности поворота Амударьи из Арала в Каспий, благодаря чему удалось бы существенно облегчить торговлю с Индией.

Идея эта не была забыта. Степные экспедиции не только гонялись за «разбойниками», они исследовали пространство между Аральским и Каспийским морями, составляли карты, производили замеры барометрической высоты отдельных участков степи. Участниками экспедиций были в основном уральские и оренбургские казаки, а также приравненные к ним башкиры. Возглавляли их чаще всего свои, казачьи, командиры, но нередко и офицеры «регулярной» армии. Несмотря на секретность подобных экспедиций, история сохранила имена их командиров — Бородин, Щапов, Донсков, Мансуров и др. [10, с. 14—15]. В 1825 г. одну из таких экспедиций возглавил полковник Ф. Ф. Берг, отряд которого насчитывал 1200 уральских и 400 оренбургских казаков наряду с пятьюстами солдатами [16, с. 16—18, 53]. Именно Берг позже настоял на предложенном им маршруте (им воспользовался В. А. Перовский), который оказался не самым удобным. В местах, рекомендованных Бергом, началось строительство опорных пунктов — Эмбенского и Акбулакского укреплений (соответственно в районах урочища Аты-якши и оз. Чушка-куль).

Будущая экспедиция в период подготовки к ней позиционировалась как научная, ее реальная цель держалась в секрете, хотя и была известна всем, кто имел к ней какое-то отношение. Реальные задачи экспедиции были официально объявлены лишь накануне выступления отряда. Прежде всего речь шла о наказании Хивы за все ее «злодеяния» и о замене ее правителя верным России человеком из числа представителей мусульманской знати. Например, Магомедом Айчуваковым, султаном-правителем «Малой киргизской орды» (так официально называли Младший казахский жуз, или Кіші жуз).

К началу похода отряд Перовского насчитывал чуть более трех тысяч пехоты, чуть более двухсот артиллеристов, полторы конных сотни башкир, два конных полка и морскую команду уральских и три конных сотни оренбургских казаков [16, с. 60]. Однако поставленные цели похода достигнуты не были. Главные причины неудач — аномально суровая для казахской степи зима, а также просчеты в подготовке (подбор командных кадров и рядовых участников, пошив плохой и неудобной формы для солдат, неудачный выбор маршрута, мест для укреплений и времени года). Экспедиция понесла большие человеческие потери, причем не на поле брани, а в результате болезней и обморожений. Однако неудачное завершение не привело к отказу от установления российского контроля над Средней Азией и Хивой в частности. Никто не сомневался, что дело будет продолжено после надлежащей «работы над ошибками». Более того, хан, напуганный возможностью очередной и более успешной русской кампании, пошел на уступки, выполнив ряд требований русской стороны.

К началу той кампании в Уральском войске на действительной службе состояли лишь 3707 человек — 87 офицеров и 3620 нижних чинов (в том числе 68 «нестроевых») [16, с. 56]. Это составляло 3,2% от общей численности войск всего Оренбургского корпуса, 75% которого приходилось на формирования башкир и мещеряков [16, с. 53].

Летом 1839 г. уральские казаки участвовали в обустройстве степных укреплений («предписано было... с... войсками, усиленными 65-ю оренбургских и 50-ю уральских казаков... продолжать движение к тому месту, которое будет избрано для нового склада запасов») [16, с. 77]. Егор Косырев, также участник похода Перовского, отметил, что «для приготовления в степях колодцев и возведения двух временных укреплений на реке

Эмбе и Ак-Булаке» еще летом был выслан в степь 2-й оренбургский линейный батальон, возвратившийся в Оренбург осенью по завершении всех работ в степи. Также Косырев сообщил, что в оборудовании укреплений участвовало и «небольшое число уральских казаков», но какое именно — не сказано. Вообще, многие данные Косырева довольно условны и неточны. Например, он указал, что для похода на Хиву были выделены 5-й оренбургский линейный батальон, две роты 3-го батальона, полк уральских казаков, уфимский казачий полк, 1,5 батареи казачьей конной артиллерии и ряд различных команд [18, с. 539—540]. Но эти данные не соответствуют действительности. Объяснение большим погрешностям простое: во время похода Косырев был всего лишь 21-летним прапорщиком, а его записки опубликованы в «Историческом вестнике» спустя 8 лет после смерти их автора и почти 60 лет после завершения той кампании. К сожалению, в небольшой статье Косырева (всего семь журнальных страниц) уральским казакам места не нашлось. Подобные краткие статьи есть и у других авторов, но рассматривать их не имеет смысла ввиду отсутствия интересной информации о казаках-уральцах.

Иванин, сообщая о начале похода, отметил самостоятельное выдвижение двух полков уральцев (около 1,2 тыс. человек) с Нижнеуральской линии одновременно с основными силами, следовавшими из Оренбурга и прибывшими к месту назначения (в Эмбенское укрепление) на полторы недели позже уральцев [16, с. 60—61, 127, 118]. Это ввело в заблуждение Д. И. Минаева, тоже участника похода, который, встретив на Эмбе уральцев, сообщил, что «три сотни уральских казаков, составлявших гарнизон Эмбского укрепления, в качестве квартирьеров встречали нашу первую колонну с таким восторгом, будто они полжизни просидели в замурованной тюрьме» [22, с. 7]. Однако уральцев в составе Эмбенского гарнизона не было, а одна их сотня следовала с основными силами [16, с. 74].

В. И. Даль, давно знавший и уважавший командира уральцев полковника Ф. Г. Бизянова за его заслуги, в своих «письмах» назвал его старцем: «Бизянов, славный, почтенный старец и знакомец мой, уралец, ходивший еще при Павле I в алом кафтане и синей шапке, воевавший еще с Суворовым» [6, март, стб. 426]. Но уральские казаки предпочитали отороченные мехом колпаки своего любимого малинового цвета. И разве мог Даль видеть Бизянова в годы царствования Павла, погибшего за полгода до рождения самого Даля? Возможно, он имел в виду одежду уральской сотни из состава императорской лейб-гвардии, которую одно время возглавлял Бизянов, но это было в конце царствования Александра I и в начале царствования Николая I [24, с. 62], когда форма казаков-гвардейцев была уже иная, нежели при Павле. А участником иностранных походов Суворова Бизянов стал, действительно, еще при Павле, в 17-летнем возрасте.

Во время выступления в поход на Хиву полковнику было 57 лет; возраст, конечно, не молодой, но еще не «старческий», тут с Далем согласиться сложно. Генерал С. Ф. Циолковский был не намного моложе (51 год). При этом, несмотря на возраст, «старец» оказался куда активнее и энергичнее, чем многие более молодые командиры. Для сравнения: к началу похода В. А. Перовскому было 44 года, столько же и генералу А. Е. Толмачеву. Штатские чиновники были значительно моложе: В. И. Далю было 38, географу П. А. Чихачеву — 27, натуралисту А. А. Леману — 25, будущему востоковеду Н. В. Ханыкову — лишь 20. Также Даль назвал Бизянова генералом, что не совсем верно. Чин генерала Бизянов получил незадолго до выхода в отставку, спустя 10 лет после того похода. Допустил ошибку и Захарьин, отметив, что после похода Бизянов стал генералом и возглавил Уральское войско. Генералом тот стал не сразу, а атаманом не был вообще, хотя летом 1837 г. временно подменял атамана В. О. Покатилова. Захарьин мог перепутать Федота Бизянова с его сыном Константином, который в 1874 г. временно подменял атамана Н. А. Веревкина, лечившегося от ран, полученных в ходе Хивинской кампании 1873 года. Хотя

это было намного позже, возможно, Захарьин лишь слышал про «атаманство» Бизянова, точно не зная времени.

Поначалу для похода на Хиву планировалось выделить три казачьих полка (Уральский, Башкирский и Оренбургский), не считая прочих подразделений [16, с. 49]. Но позже планы были существенно скорректированы. От Уральского войска были затребованы уже два полка в составе 4 штаб-офицеров, 34 обер-офицеров, 40 урядников, 1100 рядовых и 64 гурьевских казака «для заведывания двумя разборными лодками и четырьмя бударами». Итого 1242 человека [16, с. 60—61, 74, 140]. Таким образом, уральцы составляли почти четверть отряда и подавляющее большинство имевшихся в нем казаков, включая башкир, поскольку численность башкир и оренбуржцев была резко сокращена по сравнению с первоначальными планами.

Значительную часть отряда составляли и так называемые «лаучи» (казахи — вожаки верблюдов), нанятые за деньги, поскольку в вопросах ухода за верблюдами, их выючке и развьючивании они разбирались лучше других участников похода. Естественно, они не были вооружены. Более того, зачастую они сами нуждались в охране, поскольку, по понятным причинам, симпатии многих из них были на стороне своих хивинских единоверцев. Не случайно при размещении отрядных колонн на ночлег их укладывали в центре лагеря, в окружении русских и рядом с казаками [9, с. 87].

Коррекция планов была проведена по ряду причин. Уральское войско по численности значительно уступало и оренбуржцам, и башкирам. Кроме того, как отмечал Иванин, «уральские казаки обязаны охранять свою линию на значительном протяжении (до 600 верст)», а потому «из 3 ½ тысяч их с трудом можно было отделить для похода два Уральских полка» [16, с. 59]. И все же акцент военного руководства был сделан именно на уральцах, которых командование сочло наиболее достойным контингентом для подобных кампаний. «Уральские казаки, хотя не составляют регулярной конницы, но по знанию степи и степных походов, привычке к трудам и непогодам и постоянному отражению хищнических набегов при охранении своих пределов могут считаться хорошими воинами для степных походов и необходимым конным войском для экспедиции в Хиву», — полагало военное руководство [16, с. 57—58]. И оно не ошиблось.

Иванин признался, что ему «в начале похода позволительно было сомневаться в стойкости и мужестве» многих подразделений отряда, и прежде всего линейных батальонов, тогда как «об уральских казаках и сомнения не могло быть» [16, с. 189]. Более оригинально выразился Минаев: «Наш мужик, потом по очереди линейный солдат, может считаться могучим северным медведем только сравнительно с западным европейцем. Но перед уральским казаком в степном походе он неженка» [22, с. 10—11]. Минаев справедливо полагает, что уральский казак — это степной полукочевник, который большую часть своей жизни проводит вдали от дома — в походах, на промыслах и т.п. Его жизнь в корне отличается от жизни солдат линейных батальонов, практически не покидавших своих укреплений. «Такова вышла поразительная разница между русским мужиком и уральцем. Первому, как уже было замечено, каждый гигантский труд по плечу, но труды принадлежат оседлому жителю, действителю в кругу деревень; наоборот, казак, этот сын пустыни, живет гостем в своей станице и хозяином на уральском и хвалынском [каспийском. — А. Д.] рыболовстве в позднюю осень и зиму. Он свыкся с бурями и морозами с самого детства», — пишет Минаев [22, с. 42]. О том же пишет Иванин: «Уральские казаки и у себя дома живут зиму и лето постоянно в трудах и на открытом воздухе, между тем как оренбургская пехота не бывала до хивинской экспедиции нигде в походах и даже не делала больших передвижений» [16, с. 155]. По его мнению, разница в образе жизни солдат и уральцев сказалась и на физических качествах («необыкновенная выносливость

уральских казаков в хивинском походе и развитие худосочных и воспалительных болезней и сильная смертность в пехоте служат самым верным доказательством, что для людей, предназначенных для военной службы, надлежащее воспитание и в мирное время род жизни, способствующий к развитию телесных сил и приучающий к перенесению непогоды, стужи, жары, лишений, телесных трудов и т.д., будут самой верной порукой переносчивости их в военное время») [16, с. 155].

Дав характеристики всем подразделениям, участвовавшим в том походе, Иванин однозначно отвел уральцам первое место.

Подтверждением слов Иванина служат показатели заболеваемости и смертности. По данным на 20 февраля 1840 г., в отряде был болен каждый 2-й пехотинец, примерно каждый 4-й оренбургский казак и лишь каждый 27-й уралец. При этом за все время похода в пехоте умер каждый 14-й, в Оренбургском войске — каждый 34-й, в Уральском — каждый 200-й [16, с. 147]. Примерно те же данные приводил и Даль, чей сосед по «кибитке» занимался уходом за больными. По его подсчетам, в начале весны в пехоте болел каждый 2-й, среди башкир — каждый 10-й, среди уральцев — каждый 52-й. Что касается оренбургских казаков, то по ним «нельзя сделать верного расчета, потому что они же были и в укреплении, и сведения перемешаны; но болел, видно, около 10-го» [6, апр., стб. 634]. Причем «умер почти 7-й из здоровых в 3 месяца, а из уральцев 200-й» [6, апр., стб. 636]. Эти же цифры упомянул и Минаев, впрочем, он почти слово в слово повторил последнюю из приведенных цитат Даля [22, с. 42].

О том, что больных и умерших среди уральцев было мало, свидетельствует и «Рапорт о состоянии отряда действующих войск против Хивы» от 1 апреля 1840 г., согласно которому данные по их численности были следующие:

- при отряде — 2 штаб-офицера, 13 обер-офицеров, 26 урядников, 557 рядовых;
- командированы в степь — 2 штаб-офицера, 18 обер-офицеров, 578 нижних чинов;
- больных при отряде — 11 рядовых, 1 нестроевой;
- больных, отправленных в госпитали при укреплениях, — 1 рядовой;
- умерших за ноябрь-март — 1 обер-офицер, 6 рядовых.

Для сравнения: у оренбургских казаков, которых даже с учетом находившихся в укреплениях было втрое меньше, к тому времени умерло уже 124 человека, а у солдат одного лишь 2-го батальона — 311 человек, а всего в отряде — 761 [16, с. 248—249].

Более поздние данные выглядят еще трагичнее. На момент возвращения отряда в Оренбург, а уральцев на свою линию в пехоте умерли двое из семи, у оренбургских казаков — каждый 26-й, у уральцев — уже каждый 80-й (хотя это были и «лучшие» показатели, если это выражение уместно). В укреплениях умер каждый 4-й оренбургский казак [16, с. 162].

Отношения между офицерами и нижними чинами у уральцев были намного проще, чем даже у оренбуржцев. При офицерах-уральцах не было денщиков, тогда как таковые имелись практически у всех обер-офицеров Оренбургского войска, не говоря уже о штаб-офицерах [16, с. 205].

Как вспоминал Иванин, несмотря на все трудности, ни уныния, ни пессимизма у уральских казаков не наблюдалось. Они держались бодро и старались передать этот настрой окружающим. После тяжелых переходов и работ по обустройству лагеря для ночлега они, несмотря на усталость, затягивали песни [16, с. 115]. Даль вспоминает, как во время одного из переходов они запели песню «Ох ты милый мой, мил сердечный друг», напомнившую о родном доме и близких [6, март, стб. 412]. Их бодрый настрой отмечал и Минаев. Он как-то раз отметил, что «казаки, с гиканьем выскакав с обеих сторон колон-

ны, пускались на широких кругах, из первобытной уральской азбуки выводить заветные вензеля “все нашо да Божье!”» [22, с. 5].

Если же отряд делал стоянку, растянувшуюся не на одни сутки, то уральцы всегда находили занятия по душе — охота, рыбалка или различные развлечения. Для них, в отличие от остальных российских казаков, рыболовство было не просто развлечением и даже не столько промыслом, сколько важнейшим элементом их традиционной культуры [7, с. 164]. Уральцы надеялись на удачную рыбалку в водах Арала. Дойти до его берегов отряд не смог, но порыбачить уральцам все-таки удавалось. Во время стоянки на Эмбе «делалось ученье с боевыми зарядами из орудий и опыт взрыва мин под водою», вследствие чего «из-под льда выбросило десятка два огромной величины сазанов», и «этот случай подал уральским казакам мысль ловить рыбу в плесах Эмбы и Аты-Якши» [16, с. 131]. Уральцы не были браконьерами и думали не только об улове, но и о сохранении ихтиофауны. Поэтому они не прибегали к варварским методам, используя припасенный заранее для Арала и Амударьи рыболовный инвентарь, включая подледный.

Проявляли себя уральцы и как хорошие охотники, выходя на охоту с гражданскими и военными чиновниками их отряда, не столь искусными в охотничьих делах; грамотно выследить зверя и точно попасть в него, причем в нужное место, так, как уральцы, они не могли. Уральцы же, сочувствуя им, вынуждены были делиться добычей. Так, накануне Рождества, во время стоянки на Эмбе, поохотиться с уральцами решил В. И. Даль. «Вчера мы, было, уговорились с удалым уральским есаулом Назаровым (Максимом) ехать сегодня до свету на кабанов», — пишет он [6, март, стб. 418]. Поутру, увидав на термометре отметку в минус 26 градусов, Даль передумал, однако Ханыков, его сосед по юрте, временно перебравшийся в укрепление, изъявил-таки желание поохотиться. В итоге Ханыков вернулся без добычи, как и спустя несколько дней другой сосед Даля, Леман, щедро наградивший «казаков, которые убили ему пяток куропаток» [6, март., стб. 420, 429]. Умение метко стрелять уральцы демонстрировали и на войне, и на охоте, и на учебных стрельбах (в том числе на Эмбе, где они показали хорошие результаты) [6, апр., стб. 609].

В праздничные дни развлечения уральцев становились разнообразнее. «Посмотрели б вы, как они проводили масленицу; было 16° и сильный буран; а у них с утра до ночи песни и весь день, воскресенье, шла по лагерю такая гульба, будто дома», — пишет Даль. Интересно описал он и один из фрагментов празднования масленицы (речь идет о тех же уральцах): «Трое сели на одну лошадь, один задом, один передом, один боком, объехали с песнями лагерь и прощались с масленицей, раскланиваясь все во все стороны». Затем кому-то из них пришлось изображать медведя: «Потом явился медведь с поводырем; тот плясал, а этот приговаривал и лупил его хворостиной по бокам, так что и медведь обругался, наконец, вслух по-русски». На этом веселье и шутки уральцев не заканчивались: «Там возили друг друга в санях, с песнями, и воображали, что катаются, наряжались, боролись и раздевались для этого до рубахи. Перед пьяным было у них положено сымать шапку, и тверезый должен ему говорить: Ваше благородие, ждем не дождемся, будет ли, нет ли ныне весна?» [6, апр., стб. 634].

Уральцы, шутя, переносили тяготы и, если надо, умели поддержать павших духом, всегда находя нужные слова, например сравнивая мороз с жарой. Даль отмечал, что «порядочный морозец, как говорят уральцы, прохватывает ровно огнем» [6, март., стб. 407]. Уральский казак никогда не признается чужаку, что ему плохо или что он чем-то озабочен. На вопрос, заданный уральцу, — не замерз ли он, тот никогда не скажет «да», дабы не прослыть слабаком и не позорить земляков: «Уралец глядит молодцом, отвечает, если спросите: холодно ли — не больно морозно, ваше благородие, терпеть можно» [6, март, стб. 412].

По мнению Даля, во время похода уральские казаки, которых он назвал его «храбрейшей частью», вселяли бодрость в остальных участников похода, обессиленных дневным переходом, даже если температура воздуха опускалась ниже двадцати, а то и тридцати градусов: «Да, храбрейшая сторона нашего несчастного похода (или горемычного лучше сказать, потому что горе мыкали все, а беды не видали), храбрейшая часть, это бодрый дух и песни уральцев во всякое время, во всякую погоду в 20 и в 32 градуса, в ведро и в ненастье» [6, апр., стб. 634].

Уральцы стремились подбадривать даже безнадежно больных солдат, дабы не допустить общего уныния. Своей веселостью они «заражали» и пехоту. Вот что запомнил Минаев: «Вместе с онучами не заверните цинги, а то она до костей огложет лыдки», — кричали одни. «Обожжется старая ведьма», — отвечали им. Шутки такого рода не прекращались и тогда, когда у кого-то и впрямь появлялись признаки страшной болезни. В адрес заболевших раздавалось: «Не вешай головы, а не то фефebelьша засватает вас на курносой невесте. А невеста, братцы, самовольная... У нее вместо кумачника саван, а за место сундука с приданым степная могила» [22, с. 38]. «Так шутили удалые солдаты и уральцы, и в тех же юлламах угрюмо сидели “женихи”, отмеченные лиловыми поцелуями цинги», — вспоминал Минаев [22, с. 38—39].

В кибитку, где Минаев проводил время со своим соседом, офицером-уральцем, часто заходили двое — казак и солдат (прислуживать им), с которыми они беседовали. Солдат оказался набожным человеком, знатоком молитв и библейских притчей. Казак не походил на набожного человека, хотя скорее всего просто не демонстрировал свою веру. Солдат «отличался знанием таинственных апокрифов», казак «славился целым сборником песен». Казак постоянно «острил над товарищем». Солдат «от выучки апокрифов был человек горячо верующий», казак «был скептик, зубоскал». Каждый раз, слушая серьезную речь солдата, казак готовился «влепить в него злую сатиру» [22, с. 14—15]. Подобные детали, в отличие от других авторов, всегда подмечал Минаев, благодаря чему можно создавать как коллективные, так и индивидуальные портреты участников похода.

Уральцы прослыли не только бодрями и песенниками, но и знатоками народных примет, связанных с погодой. После приказа о досрочном завершении похода (конец февраля) солдаты постоянно обращались к уральцам как авторитетным знатокам с вопросами о грядущей погоде. «Уральцы предсказывают, что зима будет стоять до 25-го марта; у них на это свои приметы; пасха поздняя, февральское светило (луна) светит в марте и прочее; но обстоятельство, заслуживающее внимание: они говорят, когда рога луны круты, непременно строгая и поздняя зима. Крутыми рогами называют они обращенные несколько вверх», — пишет Даль. Любопытно, но суеверия уральцев не отрицал и сам Даль, чиновник и писатель, в недалеком прошлом врач и морской офицер. «Нередко народное поверье основано на каком-нибудь смысле, хотя и кажется с первого взгляда суеверием, бессмыслицею. Но я верю преданиям, поверьям, обычаям, иногда и суеверьям; я верю им столько, что не решусь осмеять ни одного, не исследовавши его», — пишет он [6, апр., стб. 635].

Суеверия были присущи и уральским офицерам. Сосед Минаева имел целостную мифологизированную систему взглядов на природу-мать, за что Минаев не случайно назвал его «натурфилософом-дуалистом». Уралец на полном серьезе утверждал, что природа — женоподобное существо с одной головой, двумя сердцами и четырьмя руками. Она же — и мать, и мачеха. Когда работает ее правое сердце и правые руки — она «мать». В этот период «она дает нам урожайные года, тихие грозы, здоровые росы, холит, румянит наших детей, наводит лоск на табуны, на стада и гонит из Хвалынского моря в Урал непробойные тучи красной рыбы [осетровых. — А. Д.]». На этом блага не закан-

чиваются: «Тогда в казатчине почти нет и болезней! И, диво, тогда является перевод и на волков-хищников, а на лисиц приплод. На, дескать, лови их себе на богатые шубы и обсыпайся серебром и золотом». Но затем «природа-мать» устает, засыпает и просыпается «природа-мачеха» с левым сердцем и двумя левыми руками. И тут уже ничего не поделаться! Горе и беды возникают повсюду, ибо «встает над землей царевна Иродиада, двурукая левша». Она же — «Змея-Скоропея», которая «ведет за собой голод и все несчастия». Ждать от нее можно лишь бед — «на табуны мор, бесконечные стаи хищников, на людей повальные болезни и смертность». По мнению казака, для похода было выбрано время «природы-мачехи» — «Иродиады» и «Змеи-Скоропеи» [22, с. 33—34]. И хотя казаки-уральцы до последнего верили в успех начатого дела, их земляк не верил в это изначально. Как и все уральцы, он желал продолжения похода, хотя был уверен, что для многих из них поход станет последним, так как началось время «Змеи-Скоропеи», а «у злого начала всегда и злой конец». Этот уралец имел богатый опыт службы в казахских степях. («50 лет я живу, т.е. кочую по Уральской линии и по Киргизии» [по «киргизской», т.е. казахской степи. — А. Д.]). При этом он был уверен, что казахская степь никогда не станет русской, ибо «здешняя природа — Магомета», и уже никому не удастся извести из нее чуждый русскому человеку дух [22, с. 12—13].

Не все «философские суждения» уральского офицера базировались на мифологии. Были и такие, которые безо всякой иронии Минаев готов был принять. Про своего соседа он сказал, что прогнозам таких людей можно доверять («он по закату солнца видит погоду завтрашнего дня, по цвету чуть заметного облачка угадывает приближение бурана или градовой тучи, и по первым приемам зимы почти безошибочно предсказывает ее последующий характер») [22, с. 14]. Можно привести и другие хвалебные эпитеты и цитаты, которыми Минаев наделил соседа («очень наблюдательный и знаток стихийных перемен и кочевой жизни», «знаток, который всегда служит ученым людям проводником — в бездонные степи, в заоблачные горы и в лабиринте девственных лесов») [22, с. 13]. Казачий офицер принимал комплименты соседа, считая их заслуженными, и не только в отношении себя, но и в отношении своих земляков; на один из комплиментов Минаева он ответил: «Да, степной человек только на вашем паркетке никуда не годится, а под открытым небом он везде будет правой рукой» [22, с. 18].

Все, кто имел дело с уральскими казаками, отмечали их специфический говор, который невозможно спутать ни с каким другим. Заметил его и Иванин, вспоминая, что во время стоянок, в ходе работ и во время отдыха в лагере стоял гул, в котором можно было различить «звуки языков и наречий: киргизского, башкирского, уральского, чисто русского» [16, с. 113]. Этот говор легко обнаруживается и у соседа Минаева. Например, в его рассказе о том, как жестоко и незаслуженно когда-то был наказан один башкир (видимо, не являвшийся казаком). Жестокость и несправедливость в отношении «инородцев» («у нас человек — прежде всего казак») возмутила его. Но он ничего не мог поделаться, хотя сердце его защемило («и меня уж хватило за ретивое»). Он едва не заплакал, отчего самому стало стыдно («рюмит как баба»). Этот офицер был не против жестоких наказаний, но считал, что ошибок в этом деле быть не должно («виноватого кровь — вода, неповинного — беда»). Он и сам не прочь был поучаствовать в подобных экзекуциях, но лишь тогда, когда виновные действительно заслуживали этого: «Я много видал секуций и совершал их сам за худые дела». Справедливую экзекуцию когда-то устроил и его отец. Во время нападения на одну из «уральских крепостей» (названия Минаев не указал) казахский батыр ограбил и убил мать этого офицера, но вскоре попал в руки его отцу, который содрал с живого батыра кожу, из которой был изготовлен и ремень лядуночной перевязи этого офицера, доставшийся от отца [22, с. 27—29]. В рассказе офицера можно встретить ряд

устаревших и простонародных слов, исчезавших или уже исчезнувших на тот момент, но прекрасно сохранявшихся в уральском казачьем говоре, например: «ретивое» (сердце), «рюмить» (хныкать, ныть) и т.п.

Если Иванин или Даль всячески хвалят казаков-уральцев, отмечая их особую выносливость и смекалку, способность переносить все тяготы и лишения зимних степных походов, подчеркивают их явное качественное преимущество перед солдатами линейных батальонов, то Захарьин занял иную позицию. Он не отрицает тот факт, что казаки (а уральцы — в особенности) гораздо реже болели и умирали, чувствовали себя бодрее и до последнего были готовы продолжать поход, что их лошади были выносливее. Но все это он объясняет не крепким здоровьем, не хорошей формой, не опытом и не знанием дела. По его мнению, главная причина кроется в банальном воровстве: «Казаки (особливо уральские) не брезгали даже и обыкновенным воровством при добывании разного рода продовольствия, так что, например, у пехотных офицеров отряда были похищены все тюки с консервами, чаем и сахаром» [15, с. 47].

Но если бы воровство, в котором Захарьин обвинял уральцев, имело место, оно должно было принять колоссальные масштабы, чтобы обеспечить два уральских полка. Не согласный с такой позицией Даль, объясняя низкую смертность среди уральцев, убежден, что причина тому не воровство, а то, что к трудностям они «привыкли с малых лет» [5, с. 160].

Другой причиной низкой заболеваемости и смертности уральцев Захарьин считает более бережное отношение к ним со стороны начальства. «Относительно продовольствия казаки и их лошади поставлены были тоже в более благоприятные условия», — пишет он [15, с. 47]. Но в чем же заключались «благоприятные условия»? Незначительной части уральцев было велено идти в арьергарде, чтобы развьючивать павших верблюдов и заниматься сортировкой содержимого. Как пишет Захарьин, вьюки павших верблюдов перевешивались на других, но часть содержимого перекладывалась в разные «торбы», а спирт разливался в разные сосуды [15, с. 40].

Из-за аномально морозной зимы и прочих тягот падеж верблюдов постоянно усиливался. По мере усиления падежа верблюдов сохранять перевозимое ими содержимое не всегда было возможно. Поэтому казаки сами принимали решения, что сохранить, а что выбросить. «Начался повальный падеж верблюдов, и в таком огромном количестве, что даже шедшие в арьергарде казаки, лакомые вообще до дармовщины, не стали пользоваться некоторыми вьюками с павших животных, а поступали обыкновенно так: муку рассыпали по ветру, порох и соль топтали в снег, свинец бросали в глубокие овраги, а спирт — по своим манеркам», — пишет Захарьин [15, с. 113]. Выражение «лакомые до дармовщины» явно не относится к позитивным оценкам.

Понятно, что ни в сухом пайке, ни в водке недостатка у арьергарда не было, но это не значит, что арьергард мог обеспечивать этим всех своих земляков, коих в отряде было более 1200 человек. К тому же функции арьергарда не ограничивались лишь развьючкой падших верблюдов. В остальном их обязанности мало отличались от обязанностей других участников похода.

В авангарде отряда, шедшего на Чушка-куль, Циолковский поставил также уральских казаков, чтобы те, двигаясь верхом на своих выносливых лошадях, ломали снежный наст и протапывали дорогу отряду, и прежде всего уставшим и ослабленным этим походом верблюдам. Но эффект был невелик, верблюды продолжали падать, а многие казачьи лошади ранили ноги из-за слишком толстого и прочного ледяного наста [15, с. 102—103]. Арьергард медленно пополнялся казаками, чьи лошади пострадали. Как и прежде, в их

задачи входило развьючивание падших верблюдов и разбор их тюков — что можно забрать, а что придется бросить в заснеженной степи [16, с. 103].

Иванин, будучи штаб-офицером, знал ситуацию лучше, чем юный унтер-офицер Зеленин (которому на тот момент было 19 лет), а тем более чем использовавший его записи Захарьин (Якунин), который не только не был участником похода, но и писал о нем спустя более полувека. Иванин же утверждает, что никакими привилегиями уральцы не пользовались, просто были лучше подготовлены: «Уральские казаки менее всех пострадали, несмотря на то, что более прочих войск употреблялись на работы и перенесли более трудностей. К этому надобно прибавить, что, несмотря на изнурительные труды, требовавшие поддержки сил мясною пищею, уральские казаки в походе соблюдали посты во всей строгости» [16, с. 155]. Вторит Иванину и Даль, утверждая, что уральцы строго соблюдали все посты (хотя в походах это необязательно), а потому им не только хватало заготовленного для них провианта, но даже оставалось лишнее; во время долгого нахождения в Эмбенском укреплении, как заметил Даль, «уральцы не съедают казенной дачи» [6, март, стб. 429]. Восхищение уральцами Даль выразил так: «Уральцы молодцы; их суют всюду, и всюду они успевают, и везде ими довольны» [6, апр., стб. 613].

Наряду с необоснованными обвинениями в адрес уральских казаков Захарьин указывает и на реальные вещи, дававшие казакам преимущества, например: «...казаки были одеты гораздо теплее и практичнее» [15, с. 47]. О лучших свойствах казачьей одежды упоминали в той или иной степени практически все авторы. Во многом это объясняется тем, что казаки отправились в поход в собственной одежде, которую выбирали по своему усмотрению, тогда как солдаты были одеты в сшитую для них особую форму, имевшую, как оказалось, немало изъянов. Правильно подобранная для похода одежда дополняла крепкое здоровье уральцев, о чем упомянул тот же Иванин: «Уральские казаки, более опытные и имевшие более способов, оделись лучше прочих войск» [16, с. 74]. На форме, пошитой для солдат, немало сэкономили. В итоге она, несмотря на многослойность, плохо согревала, и, кроме того, оказалась очень неудобной, сковывающей движение солдат. Шинели были большего размера, нежели требовалось, дабы одевать под них особые стеганные тулупы. Большого размера были и сапоги, поскольку для обогрева ног солдатам были выданы невероятно огромные портянки. Странные головные уборы дополняли особые маски для защиты от ветров. В итоге стеганая шерсть оторвалась от швов и свалывалась, нижнее белье превратилось в рассадник вшей. Сбивались и портянки, а заправленные в сапоги теплые штанины выбивались наружу, из-за чего в огромных сапогах оставались босые ноги солдат [11, с. 97—98].

С явным сарказмом одежду солдат описал Е. М. Косырев: «Одетые в такую форму солдаты были до безобразия толсты и неповоротливы, а в маске и с ружьем в левой руке солдат уже терял совершенно человеческий облик и походил на черта, какой обыкновенно изображается на лубочных картинках». Не меньше иронии содержится и в другом выражении Косырева: «Оригинальное зрелище представлял собою отряд, наряженный в неуклюжую свою форму и с масками на лицах у солдат — он положительно имел вид легиона бесов, явившихся из преисподней» [18, с. 539, 540].

По мнению Захарьина, причину сохранности казачьих лошадей также стоит искать не в бережном отношении и не в их особых качествах, а все в том же воровстве. «Не менее ловко поступали казаки и тогда, когда им надо добыть было лишнего корма для своих коней», — пишет он [15, с. 47]. Далее он пояснил, что ввиду скудности конского пайка и сложностей с подножным кормом уральцы крали тюки с овсом, предназначенные для всего отряда. Якобы ночью, когда тот или иной тюк выпадал из поля зрения часового, к тюку подползал казак и цеплял крючок с веревкой, тянувшийся к его кибитке. Далее все

просто: часовой пропадавал из виду, а тюк «убегал» [15, с. 47—48]. Но если это и вправду имело место, то считать такую заботу о лошадях воровством не совсем верно. Казачьи лошади, в отличие от остальных, были свои, а не казенные. Казаки в отряде были единственной кавалерией, кавалерийский дивизион Перовского лишился своих породистых и капризных лошадей еще в начале похода. Выходит, казаки крали корм, предназначенный для их же лошадей? В тот момент норма была определена в 2,5 гарнца в сутки. Для справки: «гарнец» — это $\frac{1}{8}$ четверика, или чуть более 3 литров (3,0748). Таким образом, 2,5 гарнца — это менее 8 литров, или $\frac{2}{3}$ ведра. При суровой зиме и изнурительных переходах этого действительно мало. Понимали ли казаки, что запасов корма может не хватить на весь поход? Сложно сказать, но в любом случае, они считали, что их кони должны быть сыты сейчас, а не потом.

Кони уральцев вернулись домой почти в полном составе. Как пояснил сосед Минаева, породистый скакун — это «мягкий конь», которому нужен хороший уход. Такой конь, в отличие от «киргизских» коней уральцев, не способен добывать из-под снега подножный корм и даже не может питаться одним лишь сеном, а требует овес. А потому, «поставь его на одно сено, а паче того на подснежный корм, он опустит уши и сделается хуже теленка» [22, с. 21]. Преимущество «киргизской лошади» уралец наглядно продемонстрировал Минаеву, легко продвигаясь на своем скакуне через огромные сугробы, заявив при этом, что «для таких походов необходима злая ордынская лошадь». Далее продолжил Минаев: «Нагайка сверкнула в его руке, и конь пошел широкими перепрыгами по снегу, который из-за конской шеи хватал по самую грудь всадника... Я ехал за казацким витязем, будто коридором» [22, с. 21].

Подводя итог «злым козням» уральских казаков, Захарьин пишет: «Таким образом, казачьи лошади были всю дорогу сыты, а у самих казаков не переводились ни сухари, ни водка, ни мясо; оттого и смертность между ними была значительно меньше, и лошади их падали весьма редко. Уже много позже, когда отряд добрался до Эмбы, эти казачьи проделки стали известны всему отряду» [15, с. 49]. Однако какие именно проделки и каким образом стали известны, Захарьин не уточнил. Более убедителен Даль, в отличие от Захарьина непосредственный участник событий, свидетельствовавший, что уральцев «употребляли преимущественно в тяжелые работы и еще в особую экспедицию» [5, с. 160]. Очевидно, он имел в виду рекогносцировку Устюрта, а также экспедицию по сбору верблюдов и наказанию казахов адаевского рода, которые осуществлялись силами уральских казаков.

Рекогносцировку Устюрта, проведенную уральцами, описал Даль: «Уральского войска полковник Бизянов с надежным офицером Генерального штаба был послан с 1,5 сотнями для разведки вперед: он дошел до Чинку, поднялся, сделал целый переход по Усть-Урту и, покинув отборных бывших с ним верблюдов, привез только удостоверение, что снега впереди вовсе непроходимы» [5, с. 158]. О том же сообщил и Иванин, назвав фамилию «надежного офицера» («Перовский... отрядил Уральского войска полковника Бизянова и... штабс-капитана Рехенберга с 150 уральскими казаками») [16, с. 133]. Захарьиным упомянут не только Рейхенберг, но и находившиеся при нем два топографа [15, с. 117]. Видимо, подробности по поводу топографов другим авторам были неинтересны, но Захарьин не забыл про них, так как его источником были записки Зеленина, топографа.

Вероятно, Зеленин, походные записки которого использовал Захарьин, не питал к казакам симпатии, видя уныние солдат на фоне бодрости уральцев. Случайно Захарьин сам привел одно из возможных тому объяснений. Места для остановки на ночлег выбирали офицеры-топографы. Далее размещение было делом нижних чинов из числа топографов,

в том числе Зеленина («расстановка же жалонеров и распределение отдельных частей по их жестах — все это лежало на обязанностях молодых людей» [жалонерами называли солдат или унтер-офицеров, выставляемых для обозначения мест расположения лагеря и построения войск. — *А. Д.*]). Далеко не всем нравилось выполнять указания этих юнцов, не были исключением и уральцы, причем «особенною грубостью в словах выделялись казачьи офицеры, мало отличавшиеся по своему образованию от простых казаков» [15, с. 65]. Между тем Захарьин невольно свидетельствует, что между простыми уральцами и их офицерами не было той дистанции, что разделяла армейских офицеров и их солдат.

Захарьин, не проявлявший симпатий к уральцам, во второй части своей книги, где речь идет о завершении похода, все же дал им позитивную оценку. Впервые она встречается при описании следования на Эмбу из Чушка-куля, когда погода портилась все больше и больше, а морозы и бураны не прекращались. В этих трудных условиях он все же отметил выносливость и бодрый дух уральцев, даже один из пунктов XI главы он назвал «Выносливость уральских казаков», где он пишет: «Единственными людьми, не боявшимися морозов, были уральцы, выносливость коих была изумительна» [15, с. 122—123]. В подтверждение этих слов он вспомнил интересный случай. Уралец, имени которого он не указал, помог адъютанту Циолковского, унтер-офицеру Сувчинскому, поляку, в 30-градусный мороз достать из проруби лом (который тот уронил, прорубая колодец для водопоя лошадей Циолковского) в обмен на полштофа водки. Захарьин был восхищен казачком, который, раздевшись, нырнул в ледяную воду и достал упущенный в прорубь лом. Затем тут же, без закуски, казак выпил водку и двинулся в свою кибитку. Наблюдателям он пояснил, что это ему не впервой, так как уральцы «во время багренья рыбы на Урале часто упускают в воду свои пешни и достают их таким именно простым способом во время самых сильных морозов» [15, с. 123—124]. Для справки: багренье — вид подледного лова, традиционный промысел казаков Уральского войска, не встречавшийся ни в каких других регионах России [8, с. 277, 278—279]. Пешня — принадлежность для пробивки проруби. Штоф — мера объема жидкости (обычно алкоголя). В России имелись штоф десятириковый ($\frac{1}{10}$ ведра — 1,23 литра) и штоф восьмериковый ($\frac{1}{8}$ ведра — 1,54 литра). Следовательно, полштофа — это 615 или 770 граммов.

Самые большие трудности с топливом (следовательно, с обогревом, горячей пищей и чаем) люди испытали при возвращении на Эмбу из Акбулака. Все, что горит, быстро пошло в ход, став самым востребованным товаром. «Если кому-нибудь из штабных или имеющих более средств офицеров удавалось с помощью добычливых уральцев получить несколько фунтов топлива в виде, например, старой веревки, куска дерева или обломка доски и т.п., за все это платилось если не на вес золота, то почти на вес серебра», — пишет Захарьин [15, с. 124]. Но как отличается выражение «добычливые уральцы» от прежнего выражения «лакомые до дармовщины»? Хотя автор вновь отметил у уральцев некую пронырливость, но он уже не ставит ее им в укор. Слово «добычливые» здесь имеет положительный оттенок, более соответствующий слову «хозяйственные». Отдельные «регулярные» офицеры благодаря дружбе с уральцами не платили за топливо. И не только офицеры. Минаев вспоминал один из его диалогов с соседом: — Есть ли у нас дрова? — Об этом не беспокойтесь, у меня всего наготовлено... — А сено есть? — Все есть: и овес, и сено... [22, с. 18].

Захарьин не отрицает, что рекогносцировка местности на плато Устюрт была доверена не кому-нибудь, а полковнику Бизянову и полтора сотням его казаков, ибо они могли сделать это лучше других, затратив на все восемь суток [15, с. 117].

Но почему характеристики, данные уральцам Захарьиным в конце книги, так отличаются от тех, что были даны прежде? Возможно, он не обратил внимания на свои прежние

цитаты, а возможно, просто донес до читателя информацию, почерпнутую из строк Зеленина, никак не обозначив собственную позицию.

Негативное отношение к казакам (не только к уральским, но и к остальным) можно встретить у М. Д. Венюкова, который не был ни участником того похода, ни каких-либо иных кампаний в Центральной Азии, но раздавал рекомендации будущим участникам. С одной стороны, он признавал, что казаки в походе Перовского показали себя лучше солдат [4, с. 275, 286]. Признавал и то, что небольшие казачьи отряды эффективны при поиске «воровских партий», скрывающихся в степи, и при их преследовании, что «степная кавалерия» представлена лишь казаками [4, с. 290, 296]. Он указал достоинства казаков: «Выносливость этих иррегулярных войск в походах, кажущаяся дешевизна их содержания, особая расторопность, сметливость казаков и знание ими киргизского языка». Но далее утверждал, что «дешевизна казачьих войск есть понятие совершенно условное», и, поскольку в армии появились современные винтовки (статья вышла в 1860 г.), которых нет у хивинцев и кокандцев, пехота стала более грозной силой, чем казаки с их пиками и шашками. Значит, нет смысла содержать казаков, не платящих налогов, ибо их содержание «убыточно для финансовых интересов», проще обратить их в податное сословие (крестьян), и «сумма податей, которую бы вносили казаки, будучи простыми сельскими обывателями, дала бы возможность иметь настоящее регулярное войско» [4, с. 290, 296, 297]. Не нравилось Венюкову и то, что у казака есть семья и дом, чего нет у рекрута, которому нечего терять. Видимо, он не понимал, что современные винтовки в Среднюю Азию могут поставить наши противники, те же англичане. Не знал и того, что в походе Перовского регулярная конница показала себя очень плохо, потеряв лошадей и почти в полном составе выбыв из строя из-за болезней. Не понимал, что рекрутчина близится к завершению. Невдомек было уроженцу Рязанской губернии, что казачество — это не только войско, но и особая субкультура.

В заслугу солдатам Венюков поставил и то, что они более дисциплинированы. Но, как показал поход, это качество не всегда уместно. Хороший пример привел Минаев. Во время неожиданно разразившегося бурана казаки, не дожидаясь команды, разбили кибитки, а солдаты ждали приказа до тех пор, пока казаки сами не затащили их к себе. «Молодцы уральцы и башкирцы; тотчас расползлись по соседним юртам, но пехотные солдаты, которых В. И. Даль очень верно называет девками, мертвыми душами, в зимнем степном походе совершенно потеряли головы. Они стояли в буране, как ошпаренные куры», — пишет он. И хотя солдат «казаки и башкиры кое-как разместили по палаткам», как итог — «куча перемороженных и в горячке». В отличие от них казаки не мерзли в ожидании приказа, поскольку сами принимали решения. На этом основаны особенности степной службы, на этом же строятся условия использования тех и других. Минаев делает вывод, что «казак, этот северный бедуин, во всех невзгодах надеется собственно на одни свои силы, а линейный солдат на каждом шагу ждет артикульной команды». Поэтому если солдаты «умеют твердо ходить тихим шагом под картечными выстрелами и молча складывать свои головы там, где им прикажут», то казаки — это «партизаны, их правило гикнуть, налететь на врага, яро ударить и от первых пуль удрать с такой же быстротой». С мнением Минаева не стал спорить и его сосед-уралец, сказав: «И то правда, наш завет: урвать да уехать». И добавил: «Дайте вы такую волю пехоте и после не соберете войска» [22, с. 30]. Видимо, в отличие от Венюкова, Минаев понимал, что сочетание казачьей конницы и солдатской пехоты — это оптимальный способ использования войск.

Когда было принято решение о завершении кампании, Иванин, не согласный с большинством коллег по штабу, полагал, что поход продолжить нужно, но меньшими силами. Для вторжения в пределы ханства он предлагал сформировать небольшой отряд, уком-

плектовав его преимущественно уральцами, на которых возлагал особые надежды («мы имели более 1000 уральских казаков, у которых лошади были не изнурены, люди бодры, больных между ними было мало»). Также, по мнению Иванина, этому отряду не понадобилось бы много провианта, поскольку уральцы, эти «искусные рыболовы», обеспечат всех рыбой, выловленной в Арале, Амударье и прочих водоемах ханства. Позже, будучи уверен в своей правоте, Иванин упомянул дело, имевшее место уже весной. Тогда отряд Бизянова (увеличенный с трех сотен до полка уральцев) вместе с джигитами казахского султана Айчувакова занялся сбором верблюдов и наказанием непокорных казахских родов. Отряд смог за два месяца преодолеть свыше 1200 верст, т.е. вдвое больше, чем преодолела вся экспедиция Перовского, которая за время кампании продвинулась от Оренбурга до Чушка-куля. И это было свидетельством того, что с помощью артиллерии и лучшей части пехоты взятие Хивы непременно бы состоялось [16, с. 192—193, 194]. Тем более уральцы, как и Иванин, желали победного завершения. «Уральские казаки более всех жалели, что не удалось побить басурманов», — вспоминал Иванин [16, с. 141].

Дело, порученное уральцам весной, Даль описал кратко: «Султан, полковник Айчуваков, был отправлен уже в начале марта с тремя сотнями уральцев за сбором верблюдов у непокорных нам племен; в конце марта присоединился к нему Уральского войска полковник Бизянов еще с двумя сотнями и двумя орудиями, прошел вниз до половины течения Эмбы, оттуда в погоню за аулами; на одном из переходов по самому Усть-Урту, и, наконец, воротились, вогнав в камыши устья Эмбы адайцев и черкесов, виновных в пленении Аитова, и уничтожив их аулы. Наказание виновных было необходимо и исполнено удачно» [5, с. 160]. Под черкесами подразумевались казахи рода «щеркеш», русские называли их черкесами, но к черкесам Кавказа они не имели отношения. Поручик Аитов — офицер-татарин, посланный ранее в казахскую степь для сбора верблюдов, но захваченный адаевцами и выданный хивинцам. Даль, как и Иванин, сообщил и о сборе верблюдов, и об «эзекуциях» («он [Бизянов. — А. Д.] и Айчуваков... настигнув адаевцев... побили из них 450 человек и собрали от них несколько сот верблюдов»). После этого задания для Бизянова кампания завершилась; он не вернулся на Эмбу, а отправился в родные края: «Направя этих верблюдов с командою и Айчуваковым к отряду... Бизянов со своими казаками пошел к р. Уралу, и 12 мая прибыл в Калмыковскую крепость» [16, с. 149—150].

О желании уральцев продолжать поход писал и Минаев, подчеркивая, что желание идти дальше было и у некоторых солдат, причем мотивы у них были принципиально иные, нежели у казаков. Он считает, что «солдатское желание идти вперед, разумеется, было чище, бескорыстнее», так как солдат думал прежде всего о могуществе державы и славе ее армии. Мысли же казака, убежден Минаев, более приземленные: «Он обещал своему отцу-старика привезти бухарский ковер, на постелю матери стеганый шушун, невесте, жене и сестре шелковья, сыну аргамака, а себе сребра и злата. И вся эта великолепная пирамида бесследно проваливалась в снежные сугробы». Но не надо строго судить казаков; они более, нежели солдаты, привязаны к дому, к родным и близким, что вполне естественно. В отличие от Венюкова, Минаев не считает их атавизмом, подлежащим замене регулярной конницей. Не согласен он и с Захарьиным в том, что молодцеватость и бодрость казаков — следствие лучших условий, воровства и близости к провианту. Оценки, данные Минаевым уральцам, в целом позитивные. Если солдаты простодушны, то казаки хорошие воины, но люди с хитрецей, которым благополучие свое и своих близких не менее важно, чем благополучие империи. Каково было мнение самого Минаева по поводу продолжения или завершения кампании — сказать сложно, поскольку в его цитатах редко встретишь прямолинейные выражения. С одной стороны, он пишет, что «поход с

маршрутом “ретирады”» в переводе с военного языка — это «бабья трусость». С другой стороны, отказ уральцам он счел обоснованным («нет здоровых верблюдов, которые могли бы за конным отрядом везти продовольствие») [22, с. 42].

О требовании уральцев продолжать поход писал и В. И. Даль, который в отличие от Иванина не желал продолжения кампании. Он отметил, что решение о завершении похода стало тяжким ударом для уральцев, которые сожалели о напрасно потраченных усилиях и были уверены, что еще немного — и Хива будет в их руках. И в этом их активно поддерживал командир, Федот Григорьевич Бизянов. «Когда объявили приказ о том, чтобы повернуть оглобли, казаки просились убедительно, чтобы их пустить одних, и старик Бизянов даже сам увлекся неуместным пылом этим и хотел кончить поход двумя полками уральцев», — пишет Даль. Бизянова долго убеждали, что для реализации его плана потребуется отдать ему всех здоровых верблюдов, из-за чего остатки отряда не смогут дойти до Эмбы, да и здоровых верблюдов уральцам вряд ли хватит. Бизянову якобы напомнили историю начала XVII века, завершившуюся для казаков трагически, и тогда он «вспомнил атамана Нечая и думного дьяка его, которого, как известно, повесили на Дьяковых горах, против Рубежного, за то, что он не хотел идти на Хиву» [6, апр., стб. 624—625]. Бизянову ничего не оставалось делать, как смириться с решением начальства.

Уральцы, будучи почти поголовно староверами, не брили бород. С начала похода перестал бриться и Даль. «Скоро и я буду походить на уральца: я не брился со дня выступления из Оренбурга и не намерен бриться до возвращения», — писал он в шутовском тоне [6, апр., стб. 609]. Раздавая лестные характеристики уральцам, Даль, скорее всего, слегка подражал им. Возможно, благодаря тому походу позже появился бородатый автор «Толкового словаря живого великорусского языка» с портрета В. Г. Перова.

Повествование об уральских казаках — участниках того похода уместно завершить словами Иванина: «Уральские казаки более прочих войск Оренбургского корпуса способны для перенесения степных походов. Если принять еще во внимание, что Уральское войско, выставившее перед тем на службу внутрь империи несколько полков, и для Хивинской экспедиции набрало казаков не по выбору, а какие случились, тогда как в прочих войсках высылали более крепких и здоровых людей, то нельзя не удивляться крепости и сносливости уральских казаков в походе и не отдать им полной справедливости, что они в подобных походах незаменимы. И так как содержание по всему протяжению Уральской линии кордонной стражи и рыболовство по Уралу и взморью, производимые уральскими казаками круглый год, более всего способствуют укреплению здоровья уральских казаков, приучая их к перенесению трудов и изменчивости климата, то нельзя не пожелать, чтобы эти занятия постоянно между ними продолжались и поддерживались» [16, с. 147—148].

Подведем итоги.

Уральское казачье войско в силу объективных причин не могло произвести отбор кандидатов для участия в походе, дабы отправить наиболее крепких и молодых, которые кроме линейной службы несли службу в разных регионах империи, включая Кавказ. Общая численность состоявших на службе уральских казаков значительно уступала численности личного состава других иррегулярных военных формирований Оренбургского края (Оренбургского казачьего войска и башкирских «кантонов»), не считая калмыцких сотен. В силу всех этих причин набрать для похода два полка стоило немалых усилий.

Среди всех участников похода уральские казаки оказались самыми выносливыми, о чем свидетельствует минимальный процент заболевших или умерших во время похода, несопоставимый с аналогичными показателями в других подразделениях отряда В. А. Перовского. Хорошие показатели были и у башкир, но среди участников похода их чис-

ленность была на порядок меньше, а общая численность башкир, состоявших на службе, многократно превосходила численность аналогичной категории уральцев. Поэтому башкирам удалось отобрать для похода лучших своих представителей, тогда как у уральских казаков такой возможности не было.

Уральские казачьи лошади оказались более приспособленными к сложным походным условиям, чем лошади регулярной кавалерии (падшие фактически поголовно еще на пути к Эмбенскому укреплению). Да и сами казаки оказались заботливыми и рачительными хозяевами своих лошадей, благодаря чему их лошади вернулись из похода почти в полном составе.

Уральские казаки были не только самыми опытными, но и самыми веселыми участниками похода; своими песнями и шутками, а порой и веселыми играми они помогали поддерживать боевой дух участников похода, у многих из которых он довольно быстро иссяк.

Во время стоянок уральские казаки, в отличие от остальных участников похода, старались не терять времени даром, успешно занимаясь охотой и рыболовством, если только это было возможно.

Уральцы были фактически единственной категорией участников похода, единодушно желавшей его продолжения до полной победы.

Именно уральским казакам Перовский поручал наиболее ответственные задания, такие как рекогносцировка Устьярта или наказание «непослушных» казахских родов и изъятие у них верблюдов.

Несмотря на то что религиозные традиции (и православная, и старообрядческая) разрешают отказываться от постной пищи во время военных походов, казаки-уральцы строго соблюдали посты: Рождественский — в начале похода, Великий — в конце (в 1840 г. он продолжался с 9 марта по 25 апреля).

В отличие от оренбургских казаков и прочих участников похода у уральских казачьих офицеров не было денщиков. Это один из наглядных показателей того, что дистанция между офицерами и нижними чинами у уральцев была значительно меньше, чем у других участников кампании.

Все авторы, являвшиеся участниками того похода, восхищались уральскими казаками, их выносливостью, знанием степи и военного дела в целом. Исключение — И. Н. Захарьин, не единожды подвергавший их критике, однако и он во второй части своей книги изменил к ним отношение, как и другие авторы, признав многие достоинства уральцев. Кроме того, Захарьин в отличие от остальных авторов, чьи труды были использованы в статье, не был участником похода, хотя и использовал в своей книге материалы, полученные спустя много лет от непосредственных участников, и прежде всего от бывшего унтер-офицера Г. Н. Зеленина, на тот момент топографа.

Список использованных источников и литературы

1. Акьюлов А. С. В. А. Перовский — губернатор Оренбургского края : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002. 180 с.
2. Белка И. М. Трактровка происхождения Хивинского похода 1839—1840 гг. в исторической литературе // История Оренбургская: наследие и современность : Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского, 3 марта 2006 г. : сб. статей : в 2 т. / отв. ред. Р. Р. Хисамудинова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006. Т. 1. С. 57—66.
3. Брежнева С. Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX в. — начало XXI в.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 621 с.
4. Венюков М. Заметки о степных походах в Средней Азии // Военный сборник. 1860. № 12. С. 269—298.

5. Даль В. И. Военное предприятие противу Хивы // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М. : Университетская типография, 1860. Кн. 1. С. 147—166.
6. Даль В. И. Письма к друзьям из похода в Хиву // Русский Архив. 1867. Март. Стб. 404—431 ; Апрель. Стб. 606—639.
7. Дубовиков А. М. Рыболовство как важнейший элемент традиционной культуры уральского казачества // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14, № 2. С. 162—167.
8. Дубовиков А. М. Рыболовство как исторический феномен в повседневной культуре Уральского (Яицкого) казачьего войска // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4, № 2 (60). С. 273—280.
9. Дубовиков А. М. Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казаками [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 1 (21). С. 74—94. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2017/articles/8_21_2017.pdf.
10. Дубовиков А. М. Этнические контакты уральских (яицких) казаков с казаками в XVIII — начале XX века // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : сб. докладов. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2012. С. 11—17.
11. Дубовиков А. М., Обухович С. А. Одежда членов зимней экспедиции В. А. Перовского в Хиву в описании известных участников похода // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4 (94), ч. 2. С. 95—100. DOI: 10.23670/IRJ.2020.94.4.044.
12. Железнов И. И. Василий Струняшев. Роман из казачьей жизни. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 211 с.
13. Жигалина О. И. Движущие силы российской политики в Средней Азии в XIX в. // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 251—265.
14. Захарьин И. Н. Зимний поход в Хиву в 1839 г. (по рассказам и запискам очевидцев) // Русский архив. 1891. № 4. С. 513—598.
15. Захарьин И. Н. Хива. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 году и Первое посольство в Хиву в 1842 году. СПб. : Тип. Сойкина, 1898. 205 с.
16. Иванин М. И. Описание зимнего похода в Хиву 1839—1840 гг. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.
17. Ковалевский Е. П. Нападение хивинцев на укрепление Ак-Булак в ноябре 1839 года (Из дневника русского офицера) // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Т. 62, № 246. С. 124—136.
18. Косырев Е. М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 538—545.
19. Кочнев А. В. Политика России в отношении Хивинского ханства в начале XVIII — второй половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 215 с.
20. Матвиевская Г. П. Ученые в хивинском походе 1839—1840 года // Вечерний Оренбург : [еженедельная газета]. 2000. № 20.
21. Матвиевская Г. П., Зубова И. К. Владимир Иванович Даль. 1801—1872. М. : Наука, 2002. 223 с.
22. Минаев Д. И. Рассказ пленника. Из записок о хивинской экспедиции 1839 г. // Историческая библиотека. 1879. № 11. С. 1—55.
23. Никонов О. А. Иран и Центрально-Азиатский регион во внешнеполитических планах Российской империи (первая половина XIX века). Владимир : Изд-во ВГГУ, 2010. 190 с.
24. От Гугни до Толстова. Атаманы Яицкого казачьего войска и наказные атаманы Уральского казачьего войска / сост. А. Г. Трегубов. Уральск : Оптима, 2006. 104 с.
25. Савинова Т. Н. Участники хивинской экспедиции 1830—1840 гг.: топографы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 5 (5). С. 1815—1818.
26. Сапунов Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40—90-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. 259 с.
27. Семенова Н. Хивинский поход оренбургского военного губернатора В. А. Перовского // Бельские просторы: Проза. Поэзия. Публицистика: Общественно-политический и литературно-художественный журнал. 2001. № 4. С. 137—144.

Поступила в редакцию 01.01.2021

Дубовиков Александр Маратович, доктор исторических наук, доцент
Поволжский государственный университет сервиса
Российская Федерация, 445017, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4
E-mail: alexdubovikov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9995-8328

UDC 94(574/575)“1839/1840”

A. M. Dubovikov

Ural Cossacks in the Khiva campaign of 1839—1840 through the eyes of the participants of the campaign

The article considers the marching life of the Ural Cossacks during the winter military campaign of 1839—1840 under the command of V. A. Perovsky as an object of research. Special attention is paid to the descriptions of the Ural Cossacks made by a number of participants of the campaign, including such famous persons as V. I. Dahl and M. I. Ivanin. It is noted that in the works of pre-revolutionary authors, and first of all the direct participants in the campaign, the features and significant differences of the Ural Cossacks from other categories of the military who took part in it are well shown. An attempt is made to explain the differences in assessments of certain aspects of the problem by the authors mentioned in the article.

Key words: Ural Cossacks, V. A. Perovsky's Khiva campaign, V. I. Dahl, M. I. Ivanin, N. I. Zakharin, D. M. Minaev.

Dubovikov Aleksandr Maratovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Volga Region State University of Service
Russian Federation, 445017, Tolyatti, ul. Gagarina, 4
E-mail: alexdubovikov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9995-8328

References

1. Ak'yulov A. S. *V. A. Perovskii — gubernator Orenburgskogo kraia: dis. ... kand. ist. nauk* [V. A. Perovsky — Governor of the Orenburg Territory. Cand. Dis.]. Ufa, 2002. 180 p. (In Russian)
2. Belka I. M. Traktovka proiskhozhdeniya Khivinskogo pokhoda 1839—1840 gg. v istoricheskoi literature [Interpretation of the origin of the Khiva campaign of 1839—1840 in historical literature]. *Istoriya Orenburgskaya: nasledie i sovremennost': Pervye regional'nye istoriko-kraevedcheskie chteniya pamyati professora P. E. Matvievskogo, 3 marta 2006 g.: sb. statei: v 2 t.* [History of the Orenburg: heritage and modernity: First regional historical and local history readings in memory of professor P. E. Matvievsky, March 3, 2006. Collect. of articles. In 2 vols]. Orenburg, OGPU Publ., 2006, vol. 1, pp. 57—66. (In Russian)
3. Brezhneva S. N. *Istoriografiya problemy prisoedineniya Turkestanskogo kraia k Rossii (vtoraya polovina XIX v. — nachalo XXI v.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Historiography of the problem of the annexation of the Turkestan region to Russia (second half of the 19th century — the beginning of the 21st century). Dr. Dis.]. Moscow, 2005. 621 p. (In Russian)
4. Venyukov M. Zametki o stepnykh pokhodakh v Srednei Azii [Notes on the steppe campaigns in Central Asia]. *Voennyi sbornik* [Military collection]. 1860, no. 12, pp. 269—298. (In Russian)
5. Dal' V. I. Voennoe predpriyatie protivu Khivy [Military enterprise against Khiva]. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1860, book 1, pp. 147—166. (In Russian)
6. Dal' V. I. Pis'ma k druž'yam iz pokhoda v Khivu [Letters to friends from a trip to Khiva]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive]. 1867, Mart, col. 404—431; April, col. 606—639. (In Russian)
7. Dubovikov A. M. Rybolovstvo kak vazhneishii element traditsionnoi kul'tury ural'skogo kazachestva [Fishing as the most important element of the traditional culture of the Ural Cossacks]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2008, vol. 14, no. 2, pp. 162—167. (In Russian)

8. Dubovikov A. M. Rybolovstvo kak istoricheskii fenomen v povsednevnoi kul'ture Ural'skogo (Yaitskogo) kazach'ego voiska [Fishery as the historical phenomenon in daily culture of the Ural (Yaik) cossack army]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2011, vol. 4, no. 2 (60), pp. 273—280. (In Russian)
9. Dubovikov A. M. Uchastniki khivinskih pokhodov o kontaktakh s khivintsami i kazakhami [Participants of the Khiva campaigns about contacts with people of Khiva and Kazakhs]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2017, no. 1 (21), pp. 74—94. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2017/articles/8_21_2017.pdf. (In Russian)
10. Dubovikov A. M. Etnicheskie kontakty ural'skikh (yaitskikh) kazakov s kazakhami v XVIII — nachale XX veka [Ethnic contacts of the Ural (Yaik) Cossacks with Kazakhs in the 18th — early 20th centuries]. *Etnokul'turnyi i mezhhonfessional'nyi dialog v Uralo-Povolzhskom polietnicheskom prostranstve: istoricheskii opyt i sovremennost': materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.: sb. dokladov* [Ethnocultural and interfaith dialogue in the Ural-Volga multiethnic space: historical experience and modernity. Proceed. of the All-Russia sci.-pract. conf. Collect. of reports]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2012, pp. 11—17. (In Russian)
11. Dubovikov A. M., Obukhovich S. A. Odezhda chlenov zimnei ekspeditsii V. A. Perovskogo v Khivu v opisaniy izvestnykh uchastnikov pokhoda [Clothing of members of the winter expedition of V. A. Perovsky to Khiva in the description of famous participants of the campaign]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal — International Research Journal*, 2020, no. 4 (94), part 2, pp. 95—100. DOI: 10.23670/IRJ.2020.94.4.044. (In Russian)
12. Zheleznov I. I. *Vasilii Strunyashev. Roman iz kazach'ei zhizni* [Vasily Strunyashev. A novel from a Cossack life]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1910. 211 p. (In Russian)
13. Zhigalina O. I. Dvizhushchie sily rossiiskoi politiki v Srednei Azii v XIX v. [The driving forces of Russian politics in Central Asia in the 19th century]. *Tsivilizatsii i kul'tury* [Civilization and culture]. Moscow, 1996, is. 3. Rossiya i Vostok: geopolitika i tsivilizatsionnye otnosheniya, pp. 251—265. (In Russian)
14. Zakhar'in I. N. Zimnii pokhod v Khivu v 1839 g. (po rasskazam i zapiskam ochevidtsev) [Winter campaign to Khiva in 1839 (based on stories and notes of eyewitnesses)]. *Russkii arkhiv* [Russian Archive], 1891, no. 4, pp. 513—598. (In Russian)
15. Zakhar'in I. N. *Khiva. Zimnii pokhod v Khivu Perovskogo v 1839 godu i Pervoe posol'stvo v Khivu v 1842 godu* [Khiva. Winter Perovsky campaign to Khiva in 1839 and the First embassy to Khiva in 1842]. St. Petersburg, Tip. Soikina Publ., 1898. 205 p. (In Russian)
16. Ivanin M. I. *Opisanie zimnego pokhoda v Khivu 1839—1840 gg.* [Description of the winter campaign in Khiva in 1839—1840]. St. Petersburg, Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1874. 268 p. (In Russian)
17. Kovalevskii E. P. Napadenie khivintsev na ukreplenie Ak-Bulak v noyabre 1839 goda (Iz dnevnika russkogo ofitsera) [The attack of the Khivans on the fortification of Ak-Bulak in November 1839 (From the diary of a Russian officer)]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedenii* [Journal for reading to pupils of military educational institutions], 1846, vol. 62, no. 246, pp. 124—136. (In Russian)
18. Kosyrev E. M. Pokhod v Khivu v 1839 g. (Iz zapisok uchastnika) [Campaign to Khiva in 1839 (From the participant's notes)]. *Istoricheskii vestnik*, 1898, no. 8, pp. 538—545. (In Russian)
19. Kochnev A. V. *Politika Rossii v otnoshenii Khivinskogo khanstva v nachale XVIII — vtoroi polovine XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Russia's policy towards the Khiva Khanate in the early 18th — second half of the 19th century. Cand. Dis.]. Yekaterinburg, 2018. 215 p. (In Russian)
20. Matvievskaia G. P. Uchenye v khivinskom pokhode 1839—1840 goda [Scientists in the Khiva campaign of 1839—1840]. *Vechernii Orenburg*, 2000, no. 20. (In Russian)
21. Matvievskaia G. P., Zubova I. K. *Vladimir Ivanovich Dal'. 1801—1872* [Vladimir Ivanovich Dahl. 1801—1872]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 223 p. (In Russian)
22. Minaev D. I. Rasskaz plennika. Iz zapisok o khivinskoj ekspeditsii 1839 g. [The Captive's Tale. From the notes on the Khiva expedition of 1839]. *Istoricheskaya biblioteka*, 1879, no. 11, pp. 1—55. (In Russian)
23. Nikonov O. A. *Iran i Tsentral'no-Aziatskii region vo vneshnepoliticheskikh planakh Rossiiskoi imperii (pervaya polovina XIX veka)* [Iran and the Central Asian region in the foreign policy plans of the Russian Empire (first half of the 19th century)]. Vladimir, VGGU Publ., 2010. 190 p. (In Russian)
24. *Ot Gugni do Tolstova. Atamany Yaitskogo kazach'ego voiska i nakaznye atamany Ural'skogo kazach'ego voiska* [From Gugini to Tolstov. Atamans of the Yaitsk Cossack army and the order atamans of the Ural Cossack army]. Uralsk, Optima Publ., 2006. 104 p. (In Russian)
25. Savinova T. N. Uchastniki khivinskoj ekspeditsii 1830—1840 gg.: topografy [Participants of expedition to Khiva of 1839—1840: Topographers]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 16, no. 5 (5), pp. 1815—1818. (In Russian)

26. Sapunov D. A. *Uchastie kazachestva Urala i Sibiri v prisoedinenii Srednei Azii k Rossii: 40—90-e gg. XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [The participation of the Cossacks of the Urals and Siberia in the annexation of Central Asia to Russia: 40—90s. XIX century. Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2001. 259 p. (In Russian)

27. Semenova N. *Khivinskii pokhod orenburgskogo voennogo gubernatora V. A. Perovskogo* [Khiva campaign of the Orenburg military governor V. A. Perovsky]. *Bel'skie prostory: Proza. Poeziya. Publitsistika: Obshchestvenno-politicheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal — Bel'skie open spaces: Prose. Poetry. Journalism: Social-political and literary-art journal*, 2001, no. 4, pp. 137—144. (In Russian)